

Амаль сосредоточенно переворачивала страницы толстого колдовского учебника. Сегодня, о чудо, у нее получалось все. Легко, почти без усилий, ей удалось удержать на ладони язычок огня, который она извлекла из мизинца другой руки. Шелковые одеяния, разбросанные по всей комнате, сами аккуратно сложились в стопку и улеглись в сундук. Ветки жасмина в высокой вазе вновь зацвели.

— Здесь же все так понятно написано! — с некоторым недоумением пробормотала Амаль. — Но почему же раньше я не понимала ни слова? Что мне мешало?

— Ты сама мешала себе, моя девочка, — проговорила Маймуна, отделяясь от стены, вернее, выходя из нее. О, теперь почтенная джинния не летала, словно ветер, не превращалась в невидимое облако. Сейчас ей это казалось детскими глупыми забавами. Ведь она ничего не лишилась, а обрела дом, любимого, красавицу дочь. И потому от всей магии, доступной детям колдовского мира, она оставила себе лишь малость. Хотя, пожалуй, этой малости любому магу-человеку хватило бы на сотню жизней. Но для дочери Димирьята, царя джиннов, это были просто безделушки.

— Я сама, матушка?

— Конечно! Думаю, ты вбила в свою неразумную голову, что влюблена в какого-то юношу. И все свои силы тратила на то, чтобы добиться от него взаимности...

— Да, матушка, ты, как всегда, удивительно права. Я и вправду вбила этакую глупость себе в голову. Я действительно все силы тратила на ерунду: вспоминала каждое слово единственной встречи, пыталась увидеть потаенный смысл этих пустых слов. И, мамочка, я была столь безумна, что за простыми вежливыми словами увидела неземную любовь...

Маймуна улыбалась. О, как отрадно слышать эти слова дочери. Хотя она совершенно не понимала, что же столь решительно изменило взгляды малышки Амали за последние несколько дней. Должно быть, это непонимание чуткая девушка разглядела в глазах матери.

— Ах, мамочка, ты же ничего не знаешь...

— О чем ты, малышка?

Маймуне очень хотелось сказать дочери, что она все знает, все понимает и очень ей сочувствует. Но джинния подумала, что будет куда лучше, если Амаль поведаст ей эту историю сама. В противном случае пришлось бы раскрыть девочке глаза на ее колдовскую природу... Пришлось бы объяснять, почему сын рода человеческого вовсе не пара для нее, Амали, дочери мастера Дахнаша.

Девушка на миг замолчала, прикидывая, с чего лучше начать свой рассказ.

— Несколько дней назад я познакомилась с Нур-ад-Дином, женихом Мариам, моей доброй подружки. Удивительно — ведь я знаю ее всю жизнь, но до сих пор не видела ее суженого.

Маймуна кивала. Да, она тоже этому удивлялась, даже подозревала Мариам в каком-то удивительном, неизвестном ей, джиннии, колдовстве. Амаль же продолжала:

— И показался мне жених Мариам столь прекрасным, что я придумала целую любовную историю. Придумала, мамочка, к стыду своему, и то, что я влюбилась в жениха подруги, и то, что он влюбился в меня. О, я стократно вспоминала те несколько вежливых слов, которыми обменялась с красавчиком Нур-ад-Дином. И каждый раз находила в этих словах все более глубокий и лестный для себя смысл, все более прекрасные чувства.

— Ох, малышка, это случается со всеми юными девушками...

— Какой ужас, мамочка! И неужели все девушки потом вешаются на шею этим юношам?

— Вешаются на шею?

— О да, мамочка, представь, как далеко зашла моя глупость. Я прислушивалась ко всем шагам на нашей улице, пытаюсь услышать *его* шаги... Я, словно тигрица, затаилась у калитки, чтобы, будто случайно, встретить его и убедить, что лишь я, дурочка, могу составить его счастье.

— Малышка моя...

— О да, сейчас мне стыдно даже рассказывать тебе об этом...

— Продолжай, маленькая. Клянусь, больше этого не узнает ни одна живая душа.

«Не узнает этого и ни одна душа неживая. Уж я-то сделаю так, чтобы ни Дахнаш, ни даже сам Иблис Проклятый не проник сегодня за наши стены!»

— О, я даже боюсь вспомнить, какие глупые слова я говорила. Мне стыдно перед самой собой, мамочка. Счастье, что Нур-ад-Дин оказался куда более решителен. Его жестокую отповедь я сначала восприняла как удар, удар в самое сердце. Но пришла домой и...

И поняла, что сама наворожила себе все, от первого до последнего слова и взгляда.

Маймуна укоризненно покачала головой.

— Девочка, я же много раз тебе говорила, что в нашем роду были колдуны и ведьмы! Ты могла причинить юноше большие беды! И навлечь множество неприятностей на себя.

— Да, мамочка, ты говорила мне это. Но... Но как только я поняла, что никакой любви не было и в помине, я сразу стала соображать куда лучше. Словно пелена глупости спала с моих глаз. Я увидела в истинном свете и его, и Мариам, и себя, недостойную.

— Увы, дорогая, так иногда бывает. Но сейчас ты уже не влюблена в Нур-ад-Дина, верно?

Амаль усмехнулась, и Маймуна со страхом поняла, что ее девочке уготована более чем необычная судьба, что столь сильной ведьмы, сочетающей мудрость колдовскую и человеческую, мир еще не рождал.

— Нет-нет, к счастью. Ибо еще, должно быть, не родился тот человек, который будет достоин моей любви.

«О Сулейман ибн Дауд, мир с ними обоими! Я же хотела вырастить обыкновенную девочку... Похожую на всех остальных девочек...»

— Малышка моя!

— Все в порядке, мамочка, клянусь! И теперь я смогу выучиться по этой книге и стать такой же прекрасной и умелой колдуньей, как ты, моя прекрасная и добрая!

Маймуна поцеловала дочь и вышла из комнаты, как простые люди, через дверь. Ей нужно было о столь многом подумать...

Світлок неврвтъ

Увы, мир устроен не так, как этого хочется простому смертному. И даже не так, как это кажется существам, рожденным магией самого Сулеймана ибн Дауда, мир с ними обоими... Ибо не зря говорят, что не следует делиться планами с Аллахом всемогущим — он лишь рассмеется тебе в лицо... Одним словом, мир устроен несправедливо. Более чем несправедливо для любого под этим небом, каким бы умелым колдуном он ни был.

Маймуна, дочь Димирьята, царя джиннов, любила Дахнаша, ифрита. Сколько веков длилась их любовь, сказать затруднительно. Однако, поняв, что жить друг без друга они не могут, дети колдовского народа в человеческом облике осели в древнем городе у слияния великих рек. Дочь их, Амаль, была такой же, как другие девочки: играла с котятками, училась печь пирожки, помогала матери по дому... И Маймуна стала